

составляло основную теоретическую предпосылку учения «исихастов», сближая их с западными мистиками Экартом и Таулером,¹⁴² в свою очередь оказавшими влияние на Томаса Мюнцера.¹⁴³ Если у «исихастов» их «психологические» упражнения имели целью восстановить в человеке его первоначальную «добродетельность», то у Нила, по справедливому замечанию Левицкого, «психологические наблюдения заносятся в устав лишь настолько, насколько план может найти в них практическое средство для целесообразного ведения борьбы с пороками».¹⁴⁴ «Насколько в изложении Нила скрадывается положительная сторона совершенствования, настолько бьет в глаза отрицательная... У него... все внимание поглощено „борьбой“ и подавлением зла».¹⁴⁵

Эта особенность Нилова аскетизма позволяет, на наш взгляд, правильно понять отношение его воззрений к взглядам новгородско-московских еретиков. О совпадении между идеями внутреннего самосовершенствования у Нила Сорского и аналогичными идеями у еретиков можно говорить лишь в том смысле, в каком мы говорим о связи между программой личного нестяжания монахов у Иосифа Волоцкого (и у того же Нила) и еретической критикой корыстолюбия духовенства. Новгородский еретик Захар отвергал всю иерархию как поставленную «по мзде»; московские еретики выступали против монашества; Иосиф и Нил отвечали на это планами внутреннего переустройства и усовершенствования монастырского уклада. Точно так же еретики провозглашали, что весь церковный «закон» «скончается» заповедью любви к ближнему; Нил Сорский призывал к духовному подвижничеству, желая усовершенствовать монахов и сохранить церковь и обряды.

Как и программа Иосифа Волоцкого, программа Нила была по своему характеру не реформационна, а контрреформационна. Но конкретные пути этой контрреформации были у Нила несколько иными, чем у иосифлян. В центре внимания Иосифа лежала внешняя обрядность, обязанности инока по отношению к монастырю в целом; Нила интересовало главным образом индивидуальное самосовершенствование и «умное деланье» инока. С этой особенностью мировоззрения Нила была связана и та сторона его учения, которой предстояло сыграть наибольшую роль в социально-политической борьбе XVI в. Наилучшей формой организации монашества, по воззрениям Нила, был маленький скит на два-три человека: «с едином или с двема безмолвие».¹⁴⁶ Формально такое «пустынничество» не противостояло резко общежительным идеалам Иосифа Волоцкого: в краткой редакции «Устава» Иосиф в подкрепление своих нестяжательских принципов ссылался между прочим и на монахов, живущих «в пустыне».¹⁴⁷ 11-е «слово» своего «Устава», излагающее его план организации скитского «жития», Нил направил не против общежития, а в первую очередь против одиночного отшельничества, порождающего «высокоумие». Против монахов-одиночек были направлены и другие сочинения Нила, например переведенное им поучение «О мнисиех кружащих стяжаний ради».¹⁴⁸ В этом отношении Нил Сорский не расходился с офи-

¹⁴² К. Радченко. Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898, стр. 61—68 и 71—72.

¹⁴³ М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера. М., 1955, стр. 171—229.

¹⁴⁴ Отчет профессорского стипендиата Г. Левицкого... стр. 303—304.

¹⁴⁵ Отчет профессорского стипендиата Г. Левицкого... стр. 343—344.

¹⁴⁶ Нила Сорского Предание и Устав, стр. 87.

¹⁴⁷ ГПБ, Сол. 346/326, л. 28.

¹⁴⁸ См.: А. С. Архангельский. Нил Сорский... стр. 72. Ср.: М. С. Борова-Майкова. К литературной деятельности Нила Сорского, стр. 3.